

Н. С. Андреева

Революционный кризис 1905 г. и вопрос о реформах в Прибалтийских губерниях

Усиление революционного движения в Прибалтийских губерниях в 1905 г. поставило на повестку дня российского правительства необходимость восстановить законный порядок и вместе с тем обеспечить в крае социальную стабильность. Основная ставка была сделана на подавление революции репрессивными мерами, которые, однако, могли дать лишь временный эффект. Гарантировать же социальную стабильность в Прибалтийских губерниях на длительный период времени предполагалось с помощью наиболее назревших реформ.

Осуществить преобразования в Прибалтийском крае просили в своих многочисленных ходатайствах в Совет министров на основании указа Правительствующему сенату от 18.02.1905 прибалтийские крестьяне, волостные сельские общества, представители эстонской и латышской интеллигенции¹.

О настоятельной необходимости неотложных реформ в крае высказывались и представители местной правительственной администрации. Лифляндский губернатор М. А. Пашков, оставляя в июне 1905 г. свою должность, обратился к Николаю II со всеподданнейшей запиской. Он подчеркивал, что для стабилизации ситуации в Лифляндии следовало разрешить аграрный вопрос, улучшить положение безземельного крестьянства, ввести земство общероссийского образца, а также сократить участие дворянства в административном управлении Прибалтийскими губерниями². В пользу преобразований в Прибалтике

также выступали и исполнявшие в разное время должность эстляндского губернатора П. П. Башилов и И. В. Коростовец.

По поручению министра внутренних дел А. Г. Булыгина перечень необходимых для «умиротворения» Прибалтийского края реформ составил причисленный к МВД член Ученого комитета Министерства народного просвещения Г. Г. Виссендорф. В докладной записке министру, которую можно датировать июлем 1905 г., он предлагал распространить на Прибалтийские губернии земское Положение 1864 г. и деятельность Крестьянского поземельного банка, продать крестьянам непроданные крестьянские земли, отменить право патроната³, разрешить обучение на национальных языках в сельских народных школах и городских начальных училищах, где учились преимущественно эстонцы и латыши, при обязательном преподавании русского языка и ряд других мероприятий⁴.

Нарастание революционного кризиса вынудило правительство обратить непосредственное внимание на положение в Прибалтийских губерниях и наметить ряд мер для его стабилизации. По распоряжению Николая II Совет министров 26.11.1905 обсудил ситуацию и признал, что беспорядки в Прибалтийских губерниях возникли вследствие «несовершенств экономических и юридических условий местной жизни». Эти «несовершенства» заключались в том, что в крае имелось «значительное» количество безземельных крестьян, земским делом и лютеранской церковью руководило дворянство, отстранив от этого местное эстонское и латышское население, действовало право патроната и в школах не велось преподавание на местных языках⁵. Как считал Совет министров, «революционные агитаторы» использовали недовольство местного населения в своих целях. В связи с этим реформы были призваны если не устранить, то во всяком случае смягчить экономические и социально-политические проблемы и свести к минимуму восприимчивость эстонского и латышского населения к агитации революционеров.

Для восстановления общественного порядка в Прибалтийских губерниях и обеспечения подготовки соответствующих преобразований Совет министров предлагал ввести должность временного прибалтийского генерал-губернатора, наделенного исключительными полномочиями по военному и гражданскому управлению краем, которому подчинялась бы губернская администрация и находившиеся в Прибалтийских губерниях войска, предоставив ему права командующего войсками военного округа, а в местностях, объявленных на военном положении, — права командующего армией⁶. Должность «главного начальника края» должна была объединить деятельность местных гражданских и военных властей в борьбе с революционным движением. Не желая поощрять прибалтийский партикуляризм, Совет министров указывал на временный характер должности прибалтийского генерал-губернатора. В особенности подчеркивалось, что она создавалась «лишь на время, необходимое для умиротворения края» и для окончания подготовки местных преобразований. Руководствуясь

этимися соображениями, Совет министров решил не определять штат канцелярии временного прибалтийского генерал-губернатора в законодательном порядке, а образовать его из чиновников Министерства внутренних дел⁷.

Существенное значение для умиротворения края Совет министров придавал реформам, призванным ликвидировать причины общественного недовольства и социальной нестабильности. Их разработка возлагалась на совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе из «сведущих людей» — представителей местных сословий: дворянства, городского населения и крестьян от каждой из трех Прибалтийских губерний⁸. Этим правительством стремилось привлечь на свою сторону умеренно настроенную в политическом отношении часть местного населения и усилить проправительственные настроения в крае.

Представителей дворянства и горожан в это совещание должны были выбирать дворянские ландтаги и городские думы, тогда как для крестьян устанавливались двухстепенные выборы — их представители избирались на съезде выборщиков от волостей из числа лиц, владевших русским языком. Двухстепенный порядок выборов был установлен для того, чтобы не допустить избрания «сторонников крайних мнений», т. е. революционно настроенных кандидатов⁹.

В интересах «качества и быстроты» работы совещания число его членов ограничивалось — в каждой из Прибалтийских губерний избиралось по два представителя от сословия — всего 18 лиц. Временному прибалтийскому генерал-губернатору предоставлялось право приглашать для участия в этом совещании «сведущих лиц» по своему усмотрению. Председательствовать в нем должен был сам генерал-губернатор или один из прибалтийских губернаторов по его назначению¹⁰.

Меморию Совета министров от 26.11.1905 два дня спустя санкционировал Николай II. Соответствующий указ Правительствующему сенату учреждал должность временного прибалтийского генерал-губернатора и при нем Особое совещание для разработки проектов преобразований. В программу его работ вошли земская, церковно-приходская, школьная и крестьянская реформы. Временному прибалтийскому генерал-губернатору позволялось расширить ее по своему усмотрению, предложив совещанию подготовить и другие законопроекты. После одобрения генерал-губернатором они должны были передаваться министру внутренних дел для дальнейшего направления¹¹. Таким образом, на это Особое совещание возлагалась предварительная разработка неотложных реформ для Прибалтийских губерний.

Посол Франции в России М. Бомпар в своем донесении 13.12.1905 премьер-министру и министру иностранных дел М. Рувье впал в ошибку, когда назвал указ от 28.11.1905 более чем либеральным шагом, считая, что он кладет начало административной автономии Прибалтики. Временное прибалтийское генерал-губернаторство создавалось только на ограниченный срок в целях борьбы с революционным движением¹².

В сопроводительном письме к мемории Совета министров от 26.11.1905 С. Ю. Витте 27.11.1905 сообщал Николаю II, что временного прибалтийского генерал-губернатора следовало назначить немедленно и направить в Ригу. Кандидатуру генерала Д. Ф. Трепова царь не утвердил. Из двух предложенных Витте кандидатов — члена Государственного совета генерала от инфантерии Н. И. Петрова и генерал-лейтенанта В. У. Соллогуба — Николай II назначил генерал-губернатором последнего. Однако тот недолго находился в этой должности, поскольку настроил против себя руководящих лиц прибалтийско-немецкого дворянства. Соллогуб пользовался среди них репутацией «немцеда» и врага дворянства, и вскоре его заменили генералом А. Н. Меллер-Закомельским¹³.

Несмотря на явную спешку с назначением временного прибалтийского генерал-губернатора и на то, что Совет министров считал необходимым обеспечить генерал-губернатору возможность ускорить подготовку реформ, созыв Особого совещания при нем весьма затянулся¹⁴. Как объяснял Соллогуб в своем отношении 24.03.1906 министру внутренних дел П. Н. Дурново, по прибытии в Ригу в середине декабря 1905 г. он сразу же приступил к подготовке созыва этого совещания, однако то, что административный аппарат генерал-губернаторства к тому времени еще только формировался, не позволило осуществить ее так быстро, как это было необходимо¹⁵. Соллогуб сообщал о том, что в феврале 1906 г. он направил местным губернаторам «подробные записки (при отзывах)» с изложением «некоторых мероприятий», касавшихся главным образом крестьянского землевладения в Прибалтийских губерниях. Соллогуб считал желательной скорейшую разработку этих мероприятий. Он намеревался утвердить их предоставленной ему как генерал-губернатору властью и тем самым начать в крае осуществление намеченных «административных улучшений и преобразований»¹⁶.

Вместе с тем Соллогуб принял некоторые подготовительные меры для образования при нем Особого совещания. Циркулярным письмом 10.03.1906 он просил прибалтийских губернаторов в соответствии с указом 28.11.1905 организовать выборы членов этого совещания в подведомственных им губерниях¹⁷.

Следует отметить, что в исторической литературе формирование структуры Особого совещания не рассматривалось, в то время как выявленные нами архивные документы позволяют нам это сделать. В частности, в процессе подготовки к созыву этого совещания возник вопрос о его внутренней организации, которую указ от 28.11.1905 не определил. Для облегчения его деятельности председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин выступил с инициативой образовать в каждой из Прибалтийских губерний особую губернскую подготовительную комиссию в качестве совещательного органа при губернаторе. На эти комиссии возлагалась предварительная разработка проектов преобразований, которые затем должно было обсудить Особое совещание и подготовить на их основании окончательный законопроект¹⁸. Однако

временный прибалтийский генерал-губернатор не поддержал предложение Столыпина. В ответ на запрос последнего 17.05.1906 о его мнении относительно образования этих комиссий Соллогуб отвечал, что считает создание любых комиссий «прогрессивного характера неблагоприятным» из-за продолжавшегося революционного движения в крае¹⁹. Вместо этого Соллогуб предложил прибалтийским губернаторам обсудить ряд мер, которые можно было бы немедленно осуществить властью генерал-губернатора в целях «успокоения края». Однако в течение трех месяцев никаких предложений по этому поводу от губернаторов он не получил.

Позиция Соллогуба, нацеленная на решение социально-экономических и политических проблем в Прибалтийских губерниях силами местной правительственной администрации без представителей общественно-политических кругов этих губерний, противоречила точке зрения Столыпина. Разработку прибалтийскими губернаторами намеченных преобразований без участия представителей местного населения министр внутренних дел считал «невыполнимой»²⁰.

В итоге Столыпин принял решение образовать в составе Особого совещания губернские подготовительные комиссии совещательного характера, считая, что немедленное открытие этих комиссий настоятельно необходимо для умиротворения местного населения. Столыпин поставил Соллогуба перед фактом, и просил его сообщить предварительные соображения о составе этих комиссий и о порядке избрания в них представителей местного населения. После этой переписки у Соллогуба не оставалось другого выбора, как назначить дату созыва Особого совещания, которой стало 12.07.1906²¹.

В этот день Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе собралось на свое первое заседание. Помимо представителей дворянства, городских дум губернских городов и крестьян, в нем участвовали эксперты и приглашенные лица, в частности участник различных правительственных совещаний управляющий рижским отделением Крестьянского поземельного банка Д. Г. Варес, примыкавшие к правительственному лагерю политики Ф. И. Вейнберг и И. И. Высоцкий, православное духовенство, представители губернской администрации, старообрядцев, лютеранского духовного ведомства, чиновники Министерства внутренних дел и др. Всего в работе Особого совещания участвовало 22 избранных члена и 20 приглашенных лиц. Структура этого совещания была многоступенчатой: в его составе действовали губернские подготовительные комиссии, разделявшиеся в свою очередь на подкомиссии. Законодательные предположения, разработанные подготовительными комиссиями, рассматривало общее собрание совещания, и на их основании готовило окончательный законопроект.

В ходе своей деятельности с 12.07.1906 по 29.09.1907 Особое совещание выработало проекты реформ земской, школьной, крестьянского общественного управления, лютеранского сельского прихода и «Предположения по вопросу

о земельных отношениях», которые временный прибалтийский генерал-губернатор представил министру внутренних дел для дальнейшего направления.

Земское устройство Прибалтийских губерний затрудняло их экономическое развитие и служило одной из причин острого социального недовольства. Намеченная реформа была призвана устранить недостатки в организации земского строя Прибалтики. Намереваясь ускорить ее проведение, временный прибалтийский генерал-губернатор предложил Министерству внутренних дел утвердить проекты земской реформы, разработанные губернскими подготовительными комиссиями, вместе с заключением по этому вопросу Особого совещания и своим отзывом в порядке статьи 87 Основных государственных законов²².

П. А. Столыпин отклонил это предложение, сославшись в своем отзыве 10.12.1906 на заключение Совета министров относительно введения земского Положения 12.06.1890 в девяти Западных губерниях. На заседании 28.11.1906 Совет министров признал, что эта мера несвоевременна и что земская реформа в Западных губерниях должна отвечать основным принципам нового общеимперского земского положения. Эти принципы были сформулированы в записке Министерства внутренних дел от 07.02.1907 г. «Об установлении главных оснований преобразования земских и городских учреждений». В этой связи задача Особого совещания состояла не только в обсуждении проектов подготовительных комиссий, но и в их согласовании с началами общеимперской земской реформы. При этом следовало учитывать и местные особенности²³.

Деятельность Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе подробно рассмотрена в наших публикациях²⁴. Отметим только, что в ходе его работы по вопросам прибалтийских реформ между представителями дворянства и крестьян возникали серьезные разногласия, демонстрировавшие всю глубину противоречий между этими сословиями.

Острые дискуссии между дворянством и крестьянами возникли, например, в эстляндской губернской комиссии при обсуждении вопроса, следует ли ограничивать участие в земстве уплатой земских сборов. Предводитель эстляндского дворянства Э. Н. Деллинсгаузен выступил против допуска безземельных крестьян к выборам в земские органы. Ему возражал представитель крестьян А. Я. Лубби, подчеркивавший, что в земстве непременно должны быть представлены неимущие слои населения, поскольку они не менее землевладельцев заинтересованы в работе земства. Однако большинство членов комиссии считало уплату земских сборов необходимым условием для участия в самоуправлении.

В ходе прений обсуждался вопрос о том, следует ли устанавливать в проекте имущественный ценз. В пользу него выступал барон А. О. фон Шиллинг, считавший, что ценз обеспечивал состоятельным, а значит образованным лицам преимущество в земстве. Большинство голосов ценз в проекте для первого и второго избирательных собраний был сохранен. Это позволяло дворянству гарантировать себе ведущие позиции в будущем земстве и не допустить преобладания в нем представителей крестьян²⁵.

Несмотря на это, Меллер-Закомельский в своем письме 20.02.1907 П. А. Столыпину обвинил эстляндского губернатора П. П. Башилова, среди прочего, в недоброжелательном отношении к местному дворянству и в том, что он, председательствуя в губернской подготовительной комиссии, якобы склонялся на сторону «эстонской партии»²⁶.

Столыпин запросил у Башилова объяснений по этому поводу, которые последовали в письме 03.03.1907 и вполне удовлетворили министра внутренних дел. В своем ответе Меллер-Закомельскому в марте 1907 г. Столыпин отмечал, что Башилов опроверг обвинения в «партийном пристрастии» к эстонцам.

Как следовало из его объяснений, большинство проектов эстляндской губернской подготовительной комиссии выработано «скорее в духе немецкой, чем эстонской партии», в том числе проект земской реформы, многие статьи которого противоречили требованиям крестьян, и хотя будущие земские учреждения предполагались всесословными по форме, однако в действительности руководящая роль дворянства в них, по мнению Башилова, «представляется <...> обеспеченною»²⁷.

Эти уступки не удовлетворили прибалтийско-немецкое дворянство, которое по-прежнему хотело оставаться единовластной элитой в Прибалтийских губерниях и всеми способами защищало свою руководящую роль в них от посягательств центральной власти, а также эстонцев и латышей. На последнем заседании эстляндской подготовительной комиссии представители дворянства заявили, что ее деятельность утратила всякое значение из-за участия в работе этой комиссии представителей правительственных учреждений. Они высказали претензии в отношении представителей крестьян в Особом совещании. Последние избирались только из числа лиц, владевших русским языком, поэтому, по мнению дворянства, их нельзя было считать «настоящими избранниками народа»²⁸. Этими утверждениями дворянство стремилось дискредитировать деятельность Особого совещания и разрабатывавшиеся им преобразования, поскольку ему не удалось оказать определяющего влияния на их подготовку.

Несмотря на этот демарш, представители эстляндского дворянства продолжали и далее участвовать в Особом совещании и активно отстаивали в нем свои интересы. При обсуждении проекта земской реформы в общем собрании Особого совещания представители дворян Г. Е. Фелькерзам, Э. Н. Деллинсгаузен, А. А. Пилар фон Пильхау и А. Л. фон дер Бринкен предлагали построить систему выборов в земские органы на основе принципа политической целесообразности и ограничить влияние в этих органах латышей и вообще «менее культурных элементов». Руководить же земством, по мнению дворянства, должны были крупные землевладельцы и лишь после того, как крестьянство станет более зрелым, его представительство следовало увеличить.

Им возражали представитель от крестьян К. И. Буркевич и Ф. И. Вейнберг. Последний отмечал зрелость народа в политическом отношении и считал, что его следует допустить к земскому самоуправлению, что служило бы лучшим

средством в борьбе с революционной агитацией²⁹. Хотя Вейнберг выступал с охранительных позиций, его предложение объективно отвечало интересам крестьянства.

При обсуждении земской реформы в Особом совещании также был поднят вопрос о представительстве в прибалтийском земстве русского населения. И. И. Высоцкий в записке «О необходимости обеспечения русским надлежащего представительства в проектируемых для Прибалтийского края земских учреждениях» предлагал образовать для русских отдельные избирательные курии и определить минимальные нормы их представительства в земских органах. Председатель Особого совещания Меллер-Закомельский, неприязненно относившийся к русским³⁰, не поддержал Высоцкого. Он отметил, что от них самих зависело, пройдет или нет представитель русского населения в земские органы³¹.

Крестьянам не удалось отстоять свои интересы в Особом совещании и в отношении проекта реформы крестьянского общественного управления. С некоторыми изменениями совещание приняло проект реорганизации волостного устройства, основные положения которого разработал эстляндский дворянский комитет. Крестьяне, в частности, не смогли добиться образования все-сословной волости. По действовавшему в Прибалтийских губерниях законодательству, в состав волостного округа входила только повинностная земля. Представители крестьян считали необходимым включить в него также и мызные земли, однако Особое совещание поддержало предложение дворянства выделить их в отдельные районы. Это позволяло помещикам сохранить независимость от волостного управления³².

Контроль над волостью переходил к дворянству: надзор за ней проект передавал уездному по сельским общественным делам присутствию во главе с уездным предводителем дворянства (в Лифляндской и Эстляндской губерниях — с уездным депутатом дворянства, на Эзеле — с депутатом конвента). При этом сохранялись волостная и мызная полиция. Это противоречило интересам крестьян, и в знак протеста их представители отказались подписать проект³³. Представителям крестьян не удалось добиться и отмены так называемых особых привилегий владельцев дворянских вотчин. К числу этих привилегий относились, в частности, право охоты и рыбной ловли, право открывать фабрики и учреждать ярмарки на территории дворянской вотчины и некоторые другие права³⁴. Особые привилегии, препятствуя предпринимательской инициативе местного населения, отрицательно влияли на экономическое развитие края. Необходимость отмены этих привилегий неоднократно высказывалась и в публицистике³⁵.

Представители лифляндского дворянства, напротив, считали, что ликвидация этих привилегий нарушит права собственников вотчин. Они соглашались на нее лишь в том случае, если этого требовало осуществление аграрной реформы в Прибалтийских губерниях. Курляндское дворянство занимало более жесткую позицию: оно поддержало отмену только тех привилегий, которые

были предоставлены имениям по закону, и настаивало на сохранении присвоенных им по договорам. Представители же крестьян требовали немедленно ликвидировать все особые привилегии³⁶. Достичь соглашения по этому вопросу совещанию не удалось, и в целом он был решен в интересах дворянства. Принятые им «Предположения» предусматривали упразднение особых привилегий, но только вместе с ликвидацией всех вообще преимуществ и ограничений, присвоенных различным категориям земель. Совещание признало «неотложной» отмену этих преимуществ только в Курляндии, в остальных же Прибалтийских губерниях ликвидация привилегий собственников дворянских вотчин отодвигалась на неопределенный срок³⁷.

К числу исключительных прав владельцев дворянских имений в Прибалтийских губерниях относилось и право патроната³⁸. Вопрос об его отмене был объединен с подготовкой реформы сельского лютеранского прихода. Из всех губернских подготовительных комиссий наиболее консервативную позицию по этой реформе занимала курляндская комиссия. Представители крестьянства и дворян не достигли соглашения ни по вопросу о церковных повинностях, ни относительно права патроната. Дворянство мотивировало свою позицию тем, что оно не может предоставить «назначение проповедников произволу политических партий». В результате курляндская подготовительная комиссия, поддержав мнение подкомиссии и дворянства, отказалась составить законопроект и определила лишь общие принципы приходской реформы³⁹.

В Особом совещании развернулась дискуссия по поводу права патроната в Курляндии. В пользу его сохранения там высказывался Г. Е. фон Фелькерзам. Он утверждал, что все курляндские церкви содержатся исключительно патронами, поэтому отменять это право несправедливо и нецелесообразно. В этом отношении его поддерживали Э. Н. Деллинсгаузен и член митавской городской думы барон Ф. А. фон Гюллесем.

Ф. И. Вейнберг опроверг их точку зрения. По его словам, в действительности никаких веских причин для того, чтобы сохранять патронат в Курляндии, не имелось. Однако он не смог убедить в этом Особое совещание: большинство его членов присоединилось к мнению прибалтийско-немецкого дворянства и признало возможным реформировать курляндские приходские учреждения только при сохранении патроната. В других же Прибалтийских губерниях в соответствии с проектом совещания право патроната отменялось, и право выбора пастора переходило к церковному совету⁴⁰.

Следует отметить, что эстляндский губернатор И. В. Коростовец во всеподданнейшем отчете о состоянии Эстляндской губернии за 1907 и 1908 гг. высказался в пользу скорейшего проведения в крае разработанной Особым совещанием церковной реформы. Ее осуществление, по словам губернатора, позволило бы урегулировать взаимоотношения помещиков и крестьян в церковном вопросе, а также укрепило бы среди последних уверенность в том, что и остальные подготовленные Особым совещанием преобразования будут реа-

лизованы. Это в свою очередь, считал Коростовец, весьма благоприятно отразилось бы на настроениях крестьянского населения⁴¹.

Обсуждение проекта школьной реформы в Особом совещании вызвало полемику по вопросу о языке преподавания в народной школе между представителем местной училищной администрации А. В. Вильевым с одной стороны и представителями дворянства и крестьян с другой.

Проект Особого совещания предполагал, что таковым будет язык большинства учащихся, а русский язык станет обязательным предметом. С этим был не согласен Вильев. По его мнению, главная задача народной школы заключалась в обучении национальных меньшинств государственному языку и в сближении их, таким образом, с «коренным населением» Российской империи. В этой связи вопрос о языке обучения, считал Вильев, следовало решить по аналогии со «страной свобод» — США, где в школах с многонациональным составом учащихся преподавание велось на государственном языке. Так, обучение в начальных народных школах всем предметам, кроме Закона Божия, родного языка и церковного пения, должно было происходить на русском языке. Употребление эстонского или латышского языка Вильев предлагал допустить только в качестве вспомогательного средства в первые два учебных года⁴². Против этого предложения возражали Г. Е. фон Фелькерзам, А. А. фон Пилар, Ф. И. Вейнберг, представители крестьян Н. Я. Сеппер и К. И. Буркевич, отстаивавшие право учиться в национальной школе на родном языке. В итоге Вильев не смог переубедить большинство членов совещания.

Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе 29.09.1907 завершило свою деятельность. Деллинсгаузен оценивал его результаты как «довольно хорошие» и отмечал, что другие участники этого совещания также остались ими довольны⁴³. Хотя разработанные Особым совещанием законопроекты и несли на себе отпечаток влияния прибалтийско-немецкого дворянства, но в целом они знаменовали определенное, пусть и весьма скромное, движение вперед в направлении урегулирования социальных и национальных проблем в Прибалтийских губерниях.

Результатом деятельности Особого совещания, в частности, стали подготовленные проекты земской и приходской реформ⁴⁴. При всей своей ограниченности и противоречивости они предполагали развитие местного самоуправления, а также позволяли расширить представительство эстонцев и латышей в земских и церковных учреждениях, в то время как компетенция прибалтийско-немецких дворянских организаций сокращалась.

Обращает на себя внимание и то, что к подготовке необходимых преобразований для края в Особом совещании правительство привлекло не только прибалтийско-немецкое дворянство, как это происходило ранее, а наряду с ним и представителей других местных сословий — городской буржуазии, эстонского и латышского крестьянства. Хотя это делалось в охранительных целях и прежде всего из желания повлиять на общественное мнение Прибалтийских

губерний в плане противодействия революционной агитации, однако вместе с тем привлечение к деятельности Особого совещания эстонцев и латышей наравне с дворянством демонстрировало внимание правительства к их интересам. Это был верный шаг, дававший ему возможность заручиться поддержкой своей политики в крае со стороны умеренно и реформистски настроенной части эстонского и латышского общества.

Допуск представителей эстонского и латышского населения к работе в Особом совещании также показал, что правительство рассматривало их как местную политическую силу. Правда, в его глазах политический вес этой силы серьезно уступал влиянию в крае прибалтийско-немецкого дворянства. Для последнего же участие в Особом совещании эстонских и латышских представителей было весьма тревожным сигналом, означавшим, что правительство больше не считает остзейское дворянство единовластной политической элитой в Прибалтийских губерниях. С помощью реформ и, в частности, земской реформы правительство стремилось создать в них новый баланс политических сил, при котором прибалтийско-немецкое дворянство не играло бы прежней руководящей роли, а служило бы своего рода противовесом представителям эстонского и латышского населения как в земстве, так и в церковных учреждениях.

Другим, весьма важным в контексте данной статьи вопросом, представляется следующий: намеревалось ли правительство в действительности реализовать разработанные Особым совещанием проекты реформ? В этом отношении, прежде всего, обращает на себя внимание то, что подготовка намеченных преобразований в нем шла более медленными темпами, чем изначально предполагал Совет министров. Так, в его мемории от 26.11.1905, в частности, констатировалась необходимость обеспечить временному прибалтийскому губернатору «возможность ускорить и усовершенствовать» разработку реформ для Прибалтийских губерний⁴⁵.

Однако на практике желаемого ускорения в этом отношении не произошло, отчасти в силу объективных причин — размах революционного движения в крае в конце 1905 г. не позволил сразу же после издания указа от 28.11.1905 созвать Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе. Начать свою деятельность оно смогло только 12.07.1906, когда революция в Прибалтийских губерниях вследствие репрессий пошла на спад.

На подготовку проектов реформ у Особого совещания ушло чуть больше года. В соответствии с указом от 28.11.1905, временный прибалтийский генерал-губернатор передал разработанные этим совещанием проекты преобразований министру внутренних дел для «дальнейшего направления»⁴⁶. Что подразумевалось под этим «направлением» — должно ли было Министерство внутренних дел дорабатывать эти проекты или сразу же направить их на законодательное утверждение — указ от 28.11.1905 г. не определял.

Как свидетельствуют архивные документы, разработанные Особым совещанием проекты преобразований и его материалы поступили в департаменты

и в другие подразделения Министерства внутренних дел, которые отвечали за подготовку соответствующих реформ для Прибалтийских губерний. В частности, проект Особого совещания лег в основу первой редакции проекта приходской реформы, разработанной Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в течение зимы 1907/1908 г.⁴⁷

Материалы этого совещания также использовались при подготовке законопроекта, позволявшего крестьянам-арендаторам в пасторатских имениях (они были предоставлены лютеранской церкви для материального обеспечения проповедников) приобретать посредством обязательного выкупа находившиеся в их пользовании участки отрезных, а также повинностных и арендных крестьянских земель, который Министерство внутренних дел 09.01.1914 представило в Государственную думу.

Документы Особого совещания привлекались и для подготовки закона от 10.07.1916 «Об отмене особых поземельных прав владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях», ликвидировавшего особые привилегии собственников дворянских вотчин⁴⁸.

Однако проекты преобразований в том виде, в каком их разработало Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе, реализованы не были. Причина этого, как представляется, заключается в том, что с восстановлением социальной стабильности в крае вопрос о реформах в нем утратил свою прежнюю актуальность. Он приобрел ее вновь лишь в условиях нового кризиса, который принесла с собой Первая мировая война, превратив Прибалтийские губернии в прифронтовой район. Затягивание же правительством с осуществлением обещанных реформ, причем не только в Прибалтийских губерниях, способствовало, среди прочего, радикализации общественных настроений и, как показали события Февральской и Октябрьской революций 1917 г., вместе с другими причинами вело к свержению государственной власти.

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1191. Л. 5 об. — 7, 11–30 и др. См. также: Записка доктора философии П. К. Залита «Причины волнений в Прибалтийском крае». 16.02.1906 г. // Там же. Д. 719. Л. 96 — 99 об.; *Ганелин Р. III*. Петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XVIII. Л., 1987. С. 195–208.

² Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 238. Оп. 2. Картон 160. Д. 11. Л. 1–5. Этот документ — черновой отрывок донесения Лифляндского губернатора М. А. Пашкова 1905 г. — опубликован мною. См.: *Андреева Н. С.* «Нынешние волнения помещиками крайне преувеличены». Донесение лифляндского губернатора М. А. Пашкова Николаю II. 1905 г. // *Исторический архив*. 2009. № 5. С. 114–118.

³ Право патроната соединяло в себе права и обязанности определенного лица (владельца вотчины или казны — в казенных патронатах) в отношении церкви. Наиболее важным из них было так называемое право представления, т. е. право предлагать консистории

кандидата на место проповедника. В общественном мнении это интерпретировалось как право помещика назначать пастора и в течение длительного времени вызвало серьезное недовольство эстонцев и латышей.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 165. Л. 199 — 199 об.

⁵ Там же. Д. 283. Л. 39 об.

⁶ Там же. Л. 39 об. — 40.

⁷ Там же. Л. 40.

⁸ Там же. Л. 39 об.

⁹ Там же. Л. 39 об. — 40.

¹⁰ Там же. Л. 40.

¹¹ Там же. Л. 38 — 38 об.

¹² Archives du Ministère des Affaires étrangères (Архив Министерства иностранных дел Франции, Париж). NS. Russie 6. f. 150 rev.

¹³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 125. Л. 1 — 1 об.; *Pistohlkors G. von*. Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Göttingen; Frankfurt a/[Main]; Zürich, 1978. S. 256; *Vutme С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 548.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 283. Л. 39 об. — 40.

¹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 48. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 1 об.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 42. Ср.: *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1987. С. 113.

¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 283. Л. 42.

²⁰ Там же. Л. 42 об.

²¹ Там же. Л. 42 об. — 43.

²² [*Рудченко И. Я.*]. Земское устройство Прибалтийских губерний. СПб., 1890. С. 508, 511; Записка без даты, составленная управлением временного прибалтийского генерал-губернатора. К вопросу о введении в Прибалтийском крае земского самоуправления. (К трудам Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе, для личного пользования его членов) // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 988. Л. 99.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 988. Л. 99 об.

²⁴ См., например: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 111–149.

²⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 252. Л. 90 — 91 об.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1463. Оп. 2. Д. 170. Л. 6, 7.

²⁷ Там же. Л. 6 об.

²⁸ Там же. Л. 7 об.

²⁹ Труды Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе, учрежденного высочайшим указом 28 ноября 1905 г. Ревель, [б. г.]. С. 120–121, 126; *Фелькерзам Г. Е. фон*. Мотивы и разъяснения мнения представителей крупных землевладельцев Курляндской губернии по вопросу о введении в Курляндской губернии земского самоуправления. Без даты // Там же. С. 125–126, 255–256.

³⁰ А. Н. Меллер-Закомельский в письме 14.02.1908 П. А. Столыпину негативно отзывался о деловых, личных и национальных качествах русских, в том числе с расистских позиций. Он, в частности, писал: «...русские не только ополячиваются и онемечиваются, т. е. подчиняются лучшей в культурном отношении народности, но даже обурятияются и оякутиваются в Сибири, т. е. поддаются под влияние низшей по культуре расы». Этот документ опубликован мною: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 270–275. Цитата: С. 272.

³¹ Труды Особого совещания. С. 135, 266.

³² Там же. С. 27, 38, 164–165. См. также: Записка представителей от крестьян в Особом при Временном Прибалтийском генерал-губернаторе совещании по принятому сим совещанием «Проекту крестьянского общественного управления в Прибалтийских губерниях»;

- Положение о волостном общественном устройстве в Прибалтийских губерниях (проект представителей от крестьян в Особом совещании при временном прибалтийском генерал-губернаторе). Оба документа без даты // Труды Особого совещания. С. 268, 276–287.
- ³³ Труды Особого совещания. С. 41, 43, 171.
- ³⁴ См.: Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских. Продолжение 1912 года. СПб., [1912]. Ст. 883, 892. С. 21–22; Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 240–245.
- ³⁵ Земцев В. К аграрному вопросу в Лифляндии. Рига, 1907. С. 104; Троицкий В. Поземельный вопрос в Прибалтийском крае // Вестник Европы. 1912. Кн. 9. С. 270.
- ³⁶ Докладная записка Лифляндского губернского предводителя дворянства Ф. фон Мейендорфа временному прибалтийскому генерал-губернатору. 29.10.1907 г. // РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 252. Л. 19; Труды Особого совещания. С. 191, 202–203.
- ³⁷ Труды Особого совещания. С. 44.
- ³⁸ Подробно об этом см.: Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 129–134.
- ³⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 252. Л. 83 об., 85; Свод основных положений управления евангелическо-лютеранскими приходами, выработанных Лифляндской, Курляндской, Эстляндской и Эзельской подготовительными комиссиями. Рига, 1907. С. 3–4, 17.
- ⁴⁰ Труды Особого совещания. С. 55, 174–178, 179.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 211. Л. 52 — 52 об.
- ⁴² Труды Особого совещания. С. 56–57, 147, 155; Вильев А. О цели и способе обучения инородцев государственному языку. Рига, 1897. С. 3.
- ⁴³ Dellingshausen E. von. Kodumaa teenistuses. Tallinn, 1994. Lk. 101.
- ⁴⁴ Подробно об этом см.: Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 114–144.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 283. Л. 39 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 38 об.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 133. Д. 982. Л. 1 об.
- ⁴⁸ Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 240, 242.

REFERENCES

- ANDREEVA N.S. Pribaltiiskie nemtsy i rossiiskaia pravitel'stvennaia politika v nachale XX veka. St. Petersburg, 2008.
- ANDREEVA N. S. “Nyneshnie volneniia pomeschikami kraine preuvelicheny”. Donesenie lifliandskogo gubernatora M.A. Pashkova Nikolaiu II. 1905 g. // Istoricheskii arkhiv. 2009. No. 5. S. 114–118.
- DELLINGSHAUSEN E. von. Kodumaa teenistuses. Tallinn, 1994.
- GANELIN R. Sh. *Petsitsii estonskikh, latviiskikh i litovskikh krest'ian po ukazu 18 fevralia 1905 g.* // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. T. XVIII. Leningrad, 1987. S. 195–208.
- KAR'IAKHIARM T. Estonskaia burzhuaziia, samoderzhavie i dvorianstvo v 1905–1917 gg. Tallin, 1987.
- PISTOHLKORS G. von. Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Göttingen, Frankfurt a/[Main], Zürich, 1978.
- [RUDCHENKO I. Ya.]. Zemskoe ustroistvo Pribaltiiskikh gubernii. St. Petersburg, 1890.
- TROITSKII V. *Pozemel'nyi vopros v Pribaltiiskom krae* // Vestnik Evropy. 1912. Kn. 9. S. 255–271.
- Trudy Osobogo soveshchaniia pri vremennom pribaltiiskom general-gubernatore, uchrezhdennogo vysochaishim ukazom 28 noiabria 1905 g. Revel', [b. g.].
- VIL'EV A. O tseli i sposobe obucheniia inorodtsev gosudarstvennomu iazyku. Riga, 1897.
- VITTE S. Yu. Vospominaniia. T. 2. Moscow, 1960.
- ZEMTSEV V. K agrarnomu voprosu v Lifliandii. Riga, 1907.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. С. Андреева. Революционный кризис 1905 г. и вопрос о реформах в Прибалтийских губерниях // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 38–52

Аннотация: Усиление революционного движения в Прибалтийских губерниях в 1905 г. привлекло пристальное внимание правительства к ситуации в крае и вынудило приступить к разработке неотложных реформ. Наряду с репрессивными мерами правительство рассматривало эти реформы как эффективный способ гарантировать социальную стабильность на длительный период времени. В соответствии с указом от 28.11.1905 была создана должность временного прибалтийского генерал-губернатора и при нем образовано Особое совещание для разработки проектов реформ. Помимо представителей прибалтийской правительственной администрации и приглашенных экспертов в его состав на выборной основе вошли представители местных сословий — прибалтийско-немецкого дворянства, городского населения, эстонских и латышских крестьян от каждой из трех Прибалтийских губерний. Правительство стремилось привлечь на свою сторону умеренно настроенную в политическом отношении часть эстонского и латышского населения и усилить проправительственные настроения в крае. В ходе своей деятельности с 12.07.1906 по 29.09.1907. Особое совещание разработало проекты реформ земской, школьной, крестьянского общественного управления, лютеранского сельского прихода и «Предположения по вопросу о земельных отношениях». Вместе с материалами Особого совещания они были переданы в департаменты и другие подразделения Министерства внутренних дел и в дальнейшем использовались при разработке правительственных законопроектов для Прибалтики.

Ключевые слова: Прибалтийские губернии, реформы, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, временный прибалтийский генерал-губернатор, Особое совещание, революция 1905 г., эстонцы, латыши.

FOR CITATION

N. Andreeva. Revolutionary crisis of 1905 and the question about reforms in the Baltic Provinces // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 38–52

Abstract: The strengthening of the revolutionary movement in 1905 in Baltic provinces attracted the government's close attention to the situation in the region and forced it to begin elaboration the most urgent reforms for it. Together with repressive measures, government regarded these reforms as an effective way to guarantee social stability in the Baltic provinces for a long period of time. With a view to fight against the revolution in the region in accordance with decree 28.11.1905 was created the position of the provisional Baltic Governor-General and a Special conference by him to working out the projects of reforms. In addition to representatives of the Baltic governmental administration and invited experts, representatives of the local estates — the Baltic-German nobility, the urban population, Estonian and Latvian peasants from each of the three Baltic provinces — were included in its composition on an elective basis. By doing this, the government aspired to attract to its side a politically moderate part of the local Estonian and Latvian population and strengthen pro-governmental sentiments in the region. During its activity from 12.07.1906 to 29.09.1907 a Special conference developed the projects of reforms of the *zemstvo*, school, peasant public administration, Lutheran rural parish and "Assumptions on the issue of land relations". Together with the materials of the Special conference, they were transferred to the departments and other divisions of the Ministry of Internal Affairs and subsequently used for elaboration of governmental bills for the Baltic.

Key words: Baltic provinces, reforms, S. Yu. Vitte, P. A. Stolypin, provisional Baltic Governor-General, Special conference, revolution of 1905, Estonian, Latvian.

Андреева, Наталия Сергеевна — д. и. н., старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения, Библиотека Российской академии наук.

Andreeva, Nataliya — Doctor of Historical Sciences, senior researcher of the Research Department of bibliography and library science, Russian Academy of sciences Library.

E-mail: iskjul@gmail.com